

«Зеленая лампа» появилась в Одессе недавно. Менее 10 лет работает при Всемирном Клубе Одесситов этот литературный клуб. Евгений Голубовский — человек, с чьего напутствия «пиши!» начались многие литературные судьбы. И «Зеленую лампу» для юных одесских авторов зажег именно он. Многие зеленоламповцы стали «большими»: печатают стихи, издают книги, устраивают перформансы и переводятся на другие языки. «Вышли мы все из «Зеленой лампы», — могли бы сказать о себе авторы материалов данной рубрики. И вспомнят, конечно, что нынешняя «Зеленая лампа» наследует такой же «Лампе» начала двадцатого века в Одессе. И, как и век назад, свет ее влечет людей талантливых.

ЯПОНСКИЙ КЛАССИК В ОДЕССЕ ИЗДАН НА ТРЕХ ЯЗЫКАХ

Литературный подарок 2017 года — издание произведения классика японской литературы Нацумэ Сосэки «Десять ночей грез» на трех языках.

В издательстве «Фолио» вышла в свет уникальная книга, над созданием которой работала творческая команда одесситов.

Книга родилась в год 25-летия установления дипломатических отношений между Японией и Украиной. 2017 год был объявлен годом Японии в Украине и наполнен яркими событиями, одно из которых — литературный перформанс по мотивам произведения Нацумэ Сосэки «Десять ночей грез». В Японии в этом же году широко отметили 150-летний юбилей классика.

При жизни автора «Десять ночей грез» не была издана самостоятельной книгой, а публиковалась отдельными главами в газете «Асахи» летом 1908 года. Короткие главы-притчи настолько популярны, что вступительная фраза «Я видел такой сон» стала практически мемом в японской культуре.

Впервые в Украине благодаря команде увлеченных одесских авторов произве-

дение культового писателя выходит отдельным изданием. Впервые — на трех языках: украинском, русском и японском. Мы стали свидетелями появления не просто перевода произведения художественной литературы, а концептуального подхода к подаче контента.

В книге нет четкого разделения на японскую, русскую и украинскую части. Каждый раз, для того чтобы добраться к «своему языку», читателю необходимо пробираться через язык «другого». В жизни, как в снах, все переплетается: любовь и одиночество, едва уловимый звук и оглушительная тишина, отчетливо произнесенное слово и неясный намек.

Вся команда участников проекта, работая над ним в разных странах и на разных континентах, продолжала говорить на одном языке. Иногда для общения необходимо было использовать японские иероглифы, бывало, что слов никаких языков не хватало для выражения всей гаммы чувств, но рождение новой книги состоялось.

Ведь для людей, настроенных на волну гармонии с собой и миром, дверь в мир других культур всегда открыта. ♦

Над созданием книги работали:

Майя Димерли — автор и руководитель проекта, переводчик с японского на русский язык

Анна Костенко — писатель, переводчик на украинский язык

Глеб Кадеев — иллюстратор

Ирина Даньшина — дизайнер

Анна Рева — переводчик

вступительного слова автора проекта на японский язык

Ёсими Садзэ Хасэ — консультант перевода с японского языка.

Евгений Голубовский — советник проекта

Юлия Томашевская-Гарачук — консультант проекта

Корректоры:

Татьяна Коциевская

Михаил Крамер

Генеральный меценат: Виктор

Ивченко, председатель научно-технологической ассоциации Украины.

Евгений Деменок, писатель

ЧЕРНЯНКА

«Разъезжаясь из Чернянки, мы не сомневались, что положили начало новому направлению в искусстве».

Бenedикт Лившиц

Я давно мечтал попасть в Чернянку. Родовое гнездо Бурлюков, красочно описанное Бенедиктом Лившицем, привлекало меня. Удивительное место в херсонской глуши, где зародился чуть ли не весь русский футуризм. Место, где прошла золотая пора Бурлюков — всего семейства. Семь счастливых лет. Михаил Ларионов писал здесь картины, Виктор Хлебников жил месяцами и сочинял стихи, Владимир Маяковский давал местным детям уроки рисования. Исаак Бродский писал здесь портрет Людмилы Бурлюк, Алексей Крученых ставил первые эксперименты в «зауми». По древнегреческому названию местности — Гилея, в которой находится Чернянка, с подачи того же Лившица была названа литературно-художественная группа кубофутуристов, первая в России. Была в этом какая-то загадка. Почему все произошло в провинции? В глуши, не в столицах? Туда и добираться приходилось трудно — лодкой из Херсона до пристани Британы, оттуда на подводе, а ведь нужно было добраться еще и до Херсона. Обо всем этом я думал, ведя машину из Херсона в Чернянку. Дорога была отличной, новой. Друзья обсуждали предстоящую фотосессию в футуристических костю-

мах. Но мои мысли были в тот момент с Геродотом. Геродот был первым, кто описал Гилею. Именно тут была священная роща, в которой находился храм Гекаты, покровительницы прорицателей и волшебников. Именно сюда пришел Геракл: от одного из его сыновей, Скифа, по легенде, и произошли все скифские цари. Его именем и была названа эта земля. «Гилея великой знакомо мне имя», — писал две тысячи лет спустя Велимир Хлебников, тогда еще Виктор; он не стал еще Председателем земного шара, но уже писал здесь свою первую книгу «Учитель и ученик», в которой сделал свои первые предсказания, увидел будущее России и мира, вывел числовые закономерности в происхождении государств и началах войн. Братья Бурлюки раскапывали тут скифские курганы, словно пытались найти в них ключи к тайнам творчества. Именно здесь Бурлюки стали футуристами. Лившиц писал о «Бурлючьем кулаке, вскормленном соками древней Гилеи», — он представлялся ему наиболее подходящим инструментом для сокрушения несокрушимых твердынь. Въезд в Чернянку обозначен стеллой, где указан дата основания этого знакового места — 1791 год. Дом Бурлюков разрушили уже в 80-х, когда рядом построили корпуса машинно-тракторной станции. У самой воды до сих пор растут густые заросли барба-

риса, посаженные еще отцом большого семейства Бурлюков Давидом Федоровичем. Сто лет назад в их спутанных ветвях гнездились и пели соловьи. За кустами барбариса — знаменитый сарай с табличкой «Стена Бурлюков», установленной недавно. Стены его выложены кусочками битого кирпича, узором, хорошо знакомым по работам Владимира Бурлюка. Внутри, под остатками почти провалившейся крыши, нахожу кирпичи с клеймом «ГМ» — граф Мордвинов. Аккуратно кладу несколько из них в сумку — повезу домой. Стены испещрены надписями: «Владимир Маяковский», «В. Бурлюк», «Василиск Гнедов», «Хлебников», «Николай Бурлюк», «Давид Бурлюк». Иду другой дорогой. Ворота «Сельхозтехники», которую от развалин дома отделяет лишь невысокий забор, открыты. Меня почему-то тянет туда. Вхожу во двор. Справа — длинное кирпичное здание, широкие окна его с полукруглым верхом выкрашены голубой краской. Обхожу здание с другой стороны. Оно оказывается Г-образным, более короткая часть пустует. На полу — рельсы, тут еще недавно был цех, ездили вагонетки, на стене даже осталась слегка поржавевшая металлическая табличка с надписью: «То-

кар! Работай с засученными рукавами или плотно завяжи рукав». Свет льется в здание из всех окон и выбитых дверей, оно кажется удивительно просторным. Делаю десяток фотографий и выхожу. Навстречу мне из цеха, в котором шумят станки, идет мужчина. Представляюсь, рассказываю, зачем сюда приехал и что ищу. Мужчина почему-то начинает волноваться. Представляется — его зовут Илья. — Вам ничего не напоминает это здание? — он показывает на длинный корпус. — Эта красная крыша со слуховым окном на ней? На картине Бурлюка рядом с ним торчали две трубы, а перед домом росла сирень. Эти тополя были тогда еще маленькими. Я поражен. Конечно, я помню эту работу — пуантель с вылепленными широкими мазками кустами сирени на переднем плане; на заднем плане — длинный дом с красной крышей, слуховым окном и двумя трубами, левее — небольшая лестница, ведущая в соседнее здание, примыкающее к первому как раз перпендикулярно. — Мы специально лазили на крышу — там есть отверстия для двух труб, тех, что на картине Бурлюка. Они были заложены позже. Думаю, этот дом был конторой, в которой работал старший Бурлюк, Давид Федорович. Давайте вернемся

